

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЕ И АНТИНАТУРАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АРИСТОТЕЛЕВСКОГО ПОНИМАНИЯ ВРЕМЕНИ

С. Б. КУЛИКОВ

Томский государственный педагогический университет

kulikovsb@tspu.edu.ru

SERGEY KULIKOV

Tomsk State Pedagogical University

NATURALISTIC AND ANTI-NATURALISTIC ASPECTS OF ARISTOTELIAN UNDERSTANDING OF TIME

ABSTRACT. In the article, I discuss the Heideggerian criticism of the Aristotelian concept of time. Heidegger thought that it was Aristotle who is to be blamed for so-called “ordinary” interpretation of time. Later on, Augustine developed this interpretation, while Kant and Hegel brought it to a logical end. The author observes that even if the post-Aristotelian thought and Hegel as its embodiment understood time in many respects naturalistically, we might trace both naturalistic and anti-naturalistic ways of interpretation of time in Aristotle. It appears therefore that Aristotle had also laid the foundations of existential comprehension of time, having influenced thereby the formation of the European rationality in all variety of its forms and manifestations.

KEYWORDS: time, movement, immobility, measurement, ancient legacy, Aristotle, naturalism, anti-naturalism.

* Исследование выполнено за счет проекта РНФ (грант № 15-18-10002).

В статье представлен опыт анализа аристотелевской теории времени, изложенной в «Физике», а также некоторые позднейшие рецепции этой теории в европейской философии. Предпринятое исследование позволяет реконструировать отдельные направления развития аристотелевского наследия и понять особенности его влияния на формирование европейской рациональности.

Необходимо, однако, отметить, что труды Аристотеля, посвященные метафизическим, логическим, биологическим и другим общим вопросам, равно как исследовательская литература по этим вопросам (Орлов 2013), напрямую не затрагиваются. Не рассматриваются также изыскания в области проблемы времени других классических авторов, и потому за скобками исследования остаются некоторые чрезвычайно интересные новейшие публикации (Афонасин 2015).

В рамках проведенного исследования анализ выстраивается в ходе обсуждения критики основ аристотелевской концепции Мартином Хайдеггером в «Бытии и времени», в частности утверждения, что Аристотель выступил одним из основоположников классического или так называемого «расхожего» толкования времени, которое в постклассический период (т. е. в рамках средневековья) развивал Августин, а в позднейшую эпоху довели до логического завершения Иммануил Кант и Г. В. Ф. Гегель. В частности, Хайдеггер замечал следующее:

Все позднейшие разборы понятия времени в принципе держатся аристотелевской дефиниции. ...Время есть считаемое, ...подразумеваемое в актуализации перемещающейся стрелки (соотв. тени). ...Мы называем мировое время, «обозреваемое» таким образом с применением часов, теперь-временем. ...Гегель уже сделал отчетливую попытку установить взаимосвязь расхоже понятого времени с духом, в противоположность чему у Канта время правда «субъективно», но стоит без связи «рядом» с «я мыслю» (Хайдеггер 2003, 470, 476).

Принимая во внимание приведенные высказывания, будем исходить из того, что Хайдеггер полагал необходимым противопоставить горизонтно-экстатическое толкование времени, в рамках которого время выступает базисом человеческой экзистенции, расхожему толкованию, которое натурализует время, делает его своего рода природным «духом». Причем под натурализмом в понимании времени имеется в виду не то, что время материально и противоположно всякой идеальности. Речь должна вестись о натуральности как природности в смысле внечеловечности, которая может быть сколь угодно идеальной, но остается все также естественным процессом.

В представленной статье утверждается, что хайдеггеровская интерпретация не вполне правомерна, ибо даже если пост-аристотелевская мысль и Гегель, как ее олицетворение, действительно понимали время в указанном смысле натуралистично, то у самого Аристотеля в «Физике» могут быть обнаружены как натуралистические, так и антинатуралистические варианты интерпретации времени. Другими словами, именно Аристотель заложил основы в том числе и экзистенциального прочтения идеи времени.

Собственно, Хайдеггер не отрицал экзистенциально-онтологического горизонта аристотелевской дефиниции времени. Он только настаивал на том, что

источник так открытого времени не становится для Аристотеля проблемой. Его интерпретация движется скорее в направлении «естественной» понятности бытия (Хайдеггер 2003, 470).

Вместе с тем в дальнейшем станет ясно, почему нельзя всецело согласиться ни с самим Хайдеггером, ни с аргументами в поддержку его позиции, предложенными в некоторых современных исследованиях (Sadler 1996, 182–183).

Обоснование выдвинутых в статье положений требует последовательного уточнения смысла идеи времени в контексте философии природы Гегеля, экспликации сути понимания времени Хайдеггером, а также демонстрации перспектив экзистенциального истолкования времени в рамках «Физики» Аристотеля. Начинать с анализа воззрений Гегеля, а не Аристотеля и/или Хайдеггера необходимо в силу того, что важно понять, каковы причины натурализации времени в рамках сложившейся традиции, олицетворением которой Хайдеггер предлагал считать Гегеля как одного из главных завершителей линии исследований, идущей от Аристотеля. Далее существенно дать оценку контраргументам, которые Хайдеггер предлагает против натуралистического истолкования времени. В итоге анализ позиции Аристотеля, представленный в последнем разделе статьи, должен привести к максимально корректному пониманию ситуации в целом.

В наиболее отчетливом виде особенности своих воззрений на сущность времени Гегель продемонстрировал в «Философии природы». Да, конечно, время включалось здесь в процесс диалектического становления абсолютного духа, но речь все-таки шла о совершенно особом этапе становления. Преодолев ограничения, налагаемые на дух как абсолютную идею, и перейдя в рамки инобытия этой идеи, дух становился основой упорядоченности процессов, протекающих в материальном мире. В отношении истолкования времени это имело особые следствия. В частности, Гегель замечал:

...отрицательность, относящаяся к пространству в качестве точки и развивающаяся в нем свои определения как линия и поверхность, существует в сфере вне-себя-бытия одновременно и для себя; она полагает вместе с тем свои определения в сфере вне-себя-бытия, но при этом являет себя безразличной к спокойной рядоположенности точек пространства. Положенная таким образом для себя эта отрицательность есть время (Гегель 1975, 51).

Пространство оказывается своего рода измеримой тенью времени. Поэтому высказывания Гегеля позволяют проследить выявленный Хайдегге-

ром мотив пост-аристотелевского понимания времени в его связи с исчислимыми движениями стрелки или тени. Время может быть представлено в контексте противопоставления пространству, а равно и в виде дискретности, которая формирует точки разрыва как самостоятельные образования, а именно линии и поверхности или плоскости. При этом Гегель понимал, что время нельзя мыслить всецело однозначно и выдвигал такое положение:

Время как отрицательное единство вне-себя-бытия есть также нечто всецело абстрактное и идеальное; оно есть бытие, которое, существуя, не существует и, не существуя, существует, – оно есть созерцаемое становление (Гегель 1975, 52).

В результате время было раскрыто как внутренне противоречивое образование. Для разрешения выявленных противоречий Гегель допустил, что время само по себе совпадает с процессом (длительностью), и выдвинул тезис об ограниченном характере парадоксальности, о самоотрицании этой парадоксальности на более высоких ступенях развития природы (Гегель 1975, 54–55). Смысловым ядром гегелевской концепции времени выступило следующее:

Измерения времени – настоящее, будущее и прошедшее – это становление внешности как таковой и разрешение этого становления в различиях бытия как переходящего в ничто и ничто как переходящего в бытие. Непосредственным исчезновением этих различий в единичности является настоящее как «теперь», которое как единичность исключает, но вместе с тем вполне непрерывно переходит в другие моменты и само есть лишь это исчезновение бытия в ничто и ничто в бытии (Гегель 1975, 56).

Гегель понимал время как особую форму организации природных процессов. Нетрудно видеть, что в этом он следовал одной из сторон аристотелевского понимания времени. Ход изменения природных ситуаций, выражающийся в виде процедур деления и равномерного воспроизведения точек отсчета, раскрыли особую конституцию природных процессов. Бытие природы предстало в круге понятий, которые в целом отсылали к возможности некоторого ряда позиций и состояний, понимая под этим *прошлое*, *настоящее* и/или *будущее* состояние. Вместе с тем стала актуальна система измерения, т. е. все та же шкала, позволяющая вести счет переходов между указанными позициями и состояниями. Данная система измерения продемонстрировала противоречивые характеристики и не могла быть однозначно понята как наличная в действительности, либо же отсутствующая в ней. Гегель замечал:

Нет науки о времени наряду с наукой о пространстве, с геометрией. Различия времени не обладают тем характером равнодушия друг к другу, который и со-

ставляет непосредственную определенность пространства; они поэтому не способны составлять фигураций подобно различиям пространства. Этой способности принцип времени достигает лишь тогда, когда время парализуется, когда отрицательность времени низводится рассудком до единицы. Эта мертвая единица, в которой мысль достигает вершины внешности, может входить во внешние комбинации, а эти комбинации, фигуры арифметики, в свою очередь могут получать определения рассудка, могут рассматриваться как равные и неравные, тождественные и различные (Гегель 1975, 56–57).

Следствием развития гегелевского понимания времени стало придание темпоральности свойств формальной универсальности, которая тесно связана с рассудочной природой основ математического знания. Вместе с тем, уже было показано (Куликов 2009; Kulikov 2015), что обнаруживаются предпосылки интерпретации времени как своего рода напряженности пространства, в одном и том же отношении его отрицания и числового конституирования.

Хайдеггер оспаривал правомерность натуралистического истолкования пост-аристотелевских интерпретаций времени и полагал следующее:

Науки как способы присутствия быть, в которых оно отнесено и к сущему, которое не обязательно оно само. К присутствию однако сущностно принадлежит бытие в мире. Принадлежащее к присутствию понимание бытия поэтому равнозначительно включает понимание чего-то наподобие «мира» и понимание бытия сущего, доступного внутри мира. Онтологии, имеющие темой сущее неприсутствиеразмерного характера бытия, сами поэтому фундированы и мотивированы в онтической структуре присутствия, которая вбирает в себя определенность доонтологического понимания мира. Поэтому фундаментальную онтологию, из которой могут возникать все другие, надо искать в экзистенциальной аналитике присутствия (Хайдеггер 2003, 29).

Итак, в основах хайдеггеровского понимания времени лежит экзистенциальная аналитика присутствия. Именно способы бытия человека в мире обуславливают все направления человеческой деятельности, в том числе и научное познание. При этом научное познание не может преодолеть предрассудки донаучных способов понимания, что и видно в рамках расхожей интерпретации времени:

Расхожее толкование определяет поток времени как необратимое одно-за-другим. ...Расхожее представление времени имеет свою естественную правоту. Оно принадлежит к повседневному способу присутствия быть и к ближайшей господствующей понятности бытия (Хайдеггер 2003, 475).

Другими словами, расхожее толкование времени, отождествление природного времени со временем человеческим не есть в корне ошибочный способ понимания времени. Да, это неподлинный способ понимания, ибо

...оказалось напротив: лишь из временности присутствия и ее временения делается понятным, почему и как к ней принадлежит мировое время (Хайдеггер 2003, 475).

Однако слабость расхожего понимания времени не в том, что кто-то намеренно ввел себя и/или других в заблуждение. Этот «кто-то», увлеченный происходящими вокруг него событиями, всего лишь был недостаточно рефлексивен, чтобы построить подлинную картину. Но именно в этом ключе очень трудно согласиться с Хайдеггером, который возводил расхожее толкование времени к Аристотелю и Августину. Интерпретация идей Августина находится за пределами исследовательского интереса автора. Следует сосредоточиться на понимании времени у Аристотеля.

Аристотель в «Физике» осуществил анализ времени в категориях существования и несуществования и прямо утверждал:

Что время или совсем не существует, или едва существует, будучи чем-то неясным, можно предположить на основании следующего. Одна часть его была, и ее уже нет, другая – будет, и ее еще нет; из этих частей слагается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый промежуток времени. А то, что слагается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным существованию (*Физика Δ 10, 218a*; пер. В. П. Карпова).

Исходным положением у Аристотеля выступала фиксация принципиально проблематичного характера раскрытия природы времени. С одной стороны, время не есть движение:

Изменение и движение каждого тела происходят только в нем самом или там, где случится быть самому движущемуся и изменяющемуся; время же равномерно везде и при всем. Далее, изменение может идти быстрее и медленнее, время же не может, так как медленное и быстрое определяются временем: быстрое есть далеко продвигающееся в течение малого времени, медленное же – мало продвигающееся в течение большого времени; время же не определяется временем ни в отношении количества, ни в отношении качества (*Физика Δ 10, 218b*; пер. В. П. Карпова)

Следовательно, время как будто не может само по себе двигаться, меняться. Для движений самого времени потребуется некоторый способ измерения подобной подвижности. Однако главным способом фиксации движения, равно как связанных с ним изменений выступает именно время же, что ведет к необходимости его интерпретации в рамках концептов покоя и

неизменности. С другой стороны, Аристотель указал возможность все-таки обнаружить признаки изменчивости и подвижности не только у того, что происходит со временем, но и у самого времени как такового. Аристотель замечал, что

...когда не происходит никаких изменений в нашем мышлении или когда мы не замечаем изменений, нам не будет казаться, что протекло время. ...Если же не замечать существования времени нам приходится тогда, когда мы не отмечаем никакого изменения и душа кажется пребывающей в едином и нераздельном «теперь», а когда чувствуем и разграничиваем, говорим, что время протекло, то очевидно, что время не существует без движения и изменения (*Физика* Δ 11, 218b; пер. В. П. Карпова).

Следует заключить, что время, как мерилло всяких изменений, обладает признаками покоя и неизменности. В этом отношении время не делится на части, составляя некое постоянное «теперь». Однако у времени есть и признаки изменчивости и непокоя. Также время должно подразделяться на отдельные части. Следовательно, природа времени противоречива и требует особой интерпретации, которая бы позволила устранить выявленное противоречие.

Аристотель полагал, что время есть не что иное, как мера, выраженная в числовом отношении ко всякому возможному движению и изменению:

Таким образом, время не есть движение само по себе, но является им постольку, поскольку движение включает в себе число... Большее и меньшее мы оцениваем числом, движение же, большее или меньшее, – временем, следовательно, время есть некоторое число ...в отношении к предыдущему и последующему и, принадлежа непрерывному, само непрерывно (*Физика* Δ 11, 219a-220a; пер. В. П. Карпова).

Вышесказанное позволяет прийти к выводу о том, что время есть парадоксальное явление, которое выступает и целостным неделимым образованием, и сложным процессом, содержащим отдельные этапы своего развития. В результате Аристотель мог утверждать, что парадоксальность времени требует его представления как особого формирования, аналогичного точкам математических линий. Причем деление времени применяется в случаях, когда требуется найти смысл сообщения о некотором событии:

Говорят: «он придет теперь», потому что придет сегодня, «он теперь пришел», потому что пришел сегодня... «Когда-то» и «когда-нибудь» мы говорим о времени в тех случаях, когда отделяем его от настоящего... «Уже» обозначает часть будущего времени, близкую к настоящему неделимому «теперь»... «Уже» обозначает также и часть прошедшего времени, не отдаленную от «теперь»... «Только что» – если время близко к нынешнему «теперь», а «давно» – если оно далеко. «Внезап-

но» есть то, что выходит из своего обычного состояния в течение неопределимого по своей малости времени (*Физика* Δ 13, 222b; пер. В. П. Карпова).

Итак, время есть противоречивое образование; является само по себе неподвижным и неизменным; выступает числовым выражением происходящих движений и изменений, а также предстает в виде комплекса прагматических правил повседневной языковой практики. Все это позволяет понять время антинатуралистически. Время может быть выделено из общности реальных процессов в материальной природе и отнесено к области человеческих взаимоотношений.

В заключение целесообразно было бы проиллюстрировать полученный вывод в рамках фиксации нетождественности двух следующих высказываний, собственная истинность или ложность которых не имеет значения:

- (1) Аристотель жил и работал в IV в. до н. э.
- (2) Время жизни Аристотеля падает на IV в. до н. э.

Достаточно показать, что при отождествлении смысла времени в (1) и (2) неизбежно возникает парадокс. Высказывания (1) может быть изменено так:

- (3) Аристотель существовал в конкретный момент исторического времени.

В этой связи высказывания (1) и (3) раскрывают свой общий смысл в форме утверждения о том, что время, как природный процесс, включало в себя период существования кого-то, кто носил имя «Аристотель». Вместе с тем высказывание (2) следует сформулировать так:

- (4) Бытие Аристотеля указывает на конкретный период исторического времени.

Нетрудно увидеть, что при переводе в версии (3) и (4) сохранение для идеи времени общности смысла в высказываниях (1) и (2) раскрывает парадокс в истолковании времени как того, что служит для измерения чьего-то существования, и как того, что само измеряется в границах упомянутого существования. Выше было продемонстрировано, что Аристотель, пусть и не в явном виде, а лишь в общем и целом усматривал необходимость разведения двух указанных смыслов времени, чего не вполне выполнял Гегель. Возможно, именно последнее и ввело в заблуждение Хайдеггера, заставив его ошибочно сблизить аристотелевское и гегелевское истолкование времени. В результате становится ясно, что именно Аристотель заложил основы в том числе и экзистенциального понимания времени, поспособствовав тем самым формированию европейской рациональности во всем богатстве ее форм и проявлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аристотель. (1981) «Физика». *Сочинения в четырех томах*. Москва: Мысль. Том 3, 59–262; пер. с древнегреч. В. П. Карпова.
- Афонасин, Е. В. (2015) «К истории восприятия времени: Аристоксен о ритме», *Философия науки* 2(65), 99–118.
- Гегель, Г. (1975) «Философия природы», *Энциклопедия философских наук: в 3-х т.* Москва: Мысль. Т. 2; пер. с нем. Б. Г. Столпнера и И. Б. Румера.
- Куликов, С. Б. (2009) «К вопросу о понимании времени в современной философии естествознания», *Философия науки* 3(42), 89–99.
- Орлов, Е. В. (2013) *Аристотель о началах человеческого разума*. Новосибирск: Издательство СО РАН.
- Хайдеггер, М. (2003) *Бытие и время*. Пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио.
- Kulikov, S. (2015) "Who creates the Time: Nature or Human?" *Interdisciplinary Description of Complex Systems* 13(1), 167–172.
- Sadler, T. (1996) *Heidegger and Aristotle: the Question of Being*. London & Atlantic Highlands, NJ: Athlone.